

«Плечи расправить, голову поднять и не бояться»

Блокадница Людмила Васильева, единственный кандидат с пацифистскими лозунгами, на выборы губернатора Петербурга не идет

07:02, 8 июля 2024,

Нина Петлянова

соб. корр. «Новой газеты», Петербург

Людмила Васильева. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Ее штаб в начале июля объявил, что не смог собрать необходимого количества подписей горожан (за Васильеву подписались 6800 человек, а нужно было 76 тысяч) и муниципальных депутатов (Людмила Николаевна получила подписи 11 народных избранников вместо требующихся 155). Несмотря на это, 83-летняя блокадница не считает кампанию проигранной, а сражение (ее слово) — бессмысленным. Зачем она выдвигалась на пост главы Северной столицы, как оценивает итоги своей борьбы не только за должность, но и за мир, не опасается ли последствий, как жила до сих пор и что будет делать дальше? Людмила Васильева ответила на вопросы «Новой».

— Мысль выдвигаться в губернаторы у меня возникла спонтанно. В марте актриса Татьяна Лазарева* как флешмоб объявила: «О, а я могу пойти на выборы в Московскую городскую думу». И не успела она об этом сказать, дня ни прошло, как ее назначили «иноагентом».

Затем в Петербурге баллотироваться решил Борис Вишневский*, который работает в нашем городском парламенте и много делает для людей, реально помогает многим. Но как только он заявил, что пойдет в губернаторы, тоже тут же стал «иноагентом».

У нас теперь все приличные люди — «иноагенты». А в мае Госдума быстро приняла закон, запрещающий иностранным агентам участвовать в выборах.

Тогда я впервые подумала: раз уж всех приличных людей, заявляющих о своих амбициях, сразу делают «иноагентами», значит, надо кому-то их выручать.

Я спросила у своего сына Дениса (*Денис Васильев — в прошлом петербургский муниципальный депутат, сейчас участник движения «Европейский Петербург», живет в Германии. — Н. П.*): есть ли у нас в ближайшее время какие-нибудь выборы? Он мне говорит: да, мама, и муниципальные, и губернаторские. Я обрадовалась: во-во, мне туда! Но это было почти шуткой сначала. Однако меня поддержали многие участники «Европейского Петербурга» (большинство из которых, к сожалению, вынуждены сейчас жить за границей) и партии Екатерины Дунцовой* «Рассвет». Они сказали: это так же интересно и важно, и решили меня продвигать. Тогда я всерьез задумалась: а почему бы и правда не попробовать? Хотя сын меня останавливал: мама, ты понимаешь, что для этого нужны большие деньги, а у нас их нет?

— **Но не остановил?**

— Нет, поскольку у меня уже был прекрасный опыт и без денег. В 90-е годы, когда в России впервые ненадолго, на мгновение, появилась демократия, и все новое начиналось, я состояла в партии «Демократический выбор России» и участвовала в петербургских муниципальных выборах. Без копейки денег. Мне тогда было 50 лет. Я свой портрет наклеила на ватман и написала одну фразу: «Тот, кто много говорит — тот мало

делает». И с этим тезисом победила на тех выборах. Первое место заняла кандидатка от власти, учительница. А я заняла второе.

Тогда был проходной балл — 25%. Никто еще не относился серьезно к муниципальным выборам. Хотя муниципальные выборы — самые настоящие выборы. Но мы тогда этого не понимали. Может, и сейчас не понимаем.

Если ты — муниципальный депутат, ты ближе всех к своим избирателям. Они тебе расскажут все, что нужно делать. А ты должен помнить: если тебя выбрали, значит, ты — слуга народа. Не командир, а слуга. Как народ скажет, так и будет.

— **Вы думали, сейчас так же легко удастся победить?**

— Да, я наивная, наверное, очень, но я надеялась. Думала так: я пойду к людям, буду им рассказывать, что и как в России на самом деле. И меня услышат, меня поймут, меня поддержат.

— **Ваша главная идея на всех агитационных плакатах, листовках, визитках уложилась всего в три слова: «Петербург за мир», «Петербург — город мира»?**

ОТ РЕДАКЦИИ

Людмила Николаевна принципиально называет происходящее своими именами. Но редакции средств массовой информации вынуждены исполнять законы, вводящие в стране фактическую цензуру, поэтому мы вынуждены опубликовать это интервью с незначительными изъятиями.

— На самом деле она еще короче. Я шла, чтобы громко крикнуть: «*** ***»! (...) Главная цель моей программы, ради которой я все начинала, — немедленно закончить ***. (...)

Мне, наконец, представилась возможность высказаться, и я высказалась на весь мир. И моя команда на весь мир высказалась. Сегодня о нас знают везде, кроме как в России. Ни государственные, ни городские телеканалы не освещали мою кампанию. Освещали только зарубежные и независимые СМИ, которые еще в стране остались. И то со страхом, потому что запугали всех. Донельзя запугали. А надо плечи расправить, голову поднять и ничего не бояться.

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

— Из-за того, что вы, пусть и в раннем детстве, пережили войну и блокаду, вы острее, чем остальные, воспринимаете происходящее?

— Конечно. Я же помню весь тот ужас, который наши родители и мы вместе с ними пережили. И не зря всегда и везде говорили: «больше никогда». А что сейчас говорят? «Можем повторить»...

Хотя я всегда признаюсь, что я — фиговая блокадница: блокаду почти не помню. Я родилась в апреле 1941 года. Когда началась война, мне было два месяца. Помню лишь вечный голод, холод и страх за жизнь близких. Но войну ненавижу всем сердцем. В блокаду умерли от голода все мои бабушки и дедушки, сёстра мамы и двое ее детей. На фронте погибли все братья мамы. Итого — восемь могил на двух кладбищах. 9 мая никогда не считалось праздником в нашей семье. Ну какой это праздник для нас?

Война — это ужас, кровь, слезы, горе великое.
Мама не могла про войну вспоминать.

У нее на руках в блокаду было пятеро детей: два сына и три дочки, я — самая младшая. Отец почти сразу ушел на фронт. А мамочка в блокадные годы кровь сдавала, чтобы получить талоны на дополнительный паек и нас как-то прокормить. Мы все жили в одной комнате в коммунальной квартире на улице Марата. Продержались там даже в самую суровую блокадную зиму 1942 года. Моя мамочка непостижимым образом сумела сохранить живыми всех пятерых детей.

Только в мае 1942 года нас эвакуировали. Мы уехали в Ярославскую область. Там тоже ничего хорошего не было. Там не бомбили, но жили тоже очень тяжело: всё для фронта, всё для победы. Вернулись мы в Ленинград из эвакуации, едва только разрешили, зимой 1944 года. Одно из первых моих ярких детских воспоминаний — в нашей комнате на Марата висят огромные сосульки длиной от потолка до пола, очень холодно и нечего есть.

Людмила Васильева. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

После войны мама работала день и ночь, чтобы нас поднять. А мы воспитывались во дворе. Очень самостоятельные были. Зимой с братьями и сестрами сами печь топили. Весь паркет сожгли. Рядом с нашим домом находилась фабрика Крупской, оттуда все время шоколадом пахло и выбрасывали всякие отходы производства. Мы их собирали и ели. Вообще ели всё, что можно было. Что найдешь на земле, то и съешь. Летом мама варила очень вкусные щи из крапивы и лебеды. Или, может, нам тогда казалось, что вкусные. До 1948 года в Ленинграде всю еду выдавали только по карточкам.

Моей маме всю жизнь жилось очень тяжело. Отец вернулся с войны, но ушел от нас. Я после школы сразу пошла на завод, потому что нужно было семье помогать. Параллельно училась — поступила на заочное отделение в техникум морского приборостроения. Своим умом и трудом всего добивалась. Тоже много лет жила в нищете. Но мама так нас учила: отдавать всегда нужно больше, чем брать. Оставь себе столько, сколько

нужно, а остальное отдай тому, кому нужнее. Умей людям сочувствовать. Всегда будь рядом со слабыми. Помогай им. Люди в войну выживали тем, что друг друга поддерживали. Я не устаю повторять, что это было поколение святых. Такую войну сумели пережить. Жизни не видели. Не было там нормальной жизни. Потом восстанавливали страну. И вот теперь — 21-й век наступил (...).

Разве наши родители, которые выстояли в блокаду, за это погибли? (...) Чтобы такие люди, какие сейчас у власти, правили? Нет! И я ни за что не отдам ни страну, ни город. Не отдам.

Людмила Васильева. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

— Тем не менее на календаре — июль. Подписи не собраны. В

бюллетени вашу фамилию не внесут. Формально битва за Петербург проиграна. Что дальше?

— Прежде всего — битва не проиграна. Я считаю, что мы провели яркую замечательную кампанию с прекрасными молодыми ребятами, которые были у меня в команде. К нам весь мир потянулся. Все журналисты, не наши, казенные, а независимые по всему миру освещали нашу работу. Приезжали корреспонденты из Франции, Италии, Германии, Англии, Австрии — всех не перечислить. Мы показали, что не все люди в России за (...). Мы смогли это громко прокричать. (...), а выжившие ребята... Им трудно социализироваться (...) У них души исковерканы, изранены.

— Однако если смотреть только на цифры, шансом выразить свою позицию, отдав свой голос за вас, воспользовались очень немногие — около семи тысяч петербуржцев.

— Я так не считаю. Прежде всего, надо учитывать, что моя избирательная кампания специально замалчивалась властью. Никакие крупные СМИ ее не освещали, им это запрещали. Те, что освещали, делали это очень хорошо, но до основной массы людей информация не доходила, потому что — как ни крути — большинство в России все еще смотрит телевизор.

Несмотря на такое скудное освещение кампании, меня поддержали около семи тысяч человек только в Петербурге, а это не так уж и мало. Я уверена, что антивоенно настроенных горожан гораздо больше. Просто многие не знают, как им это выразить, другие знают как, но боятся.

Особенно ценно то, что на встречи со мной приходили и выступали за мир блокадники и дети войны. Они прямо говорили: мы против (...), она должна закончиться немедленно. Беглов нам с экрана говорит, что пенсионеры и блокадники за него и поддерживают линию партии, а это не так. Приезжали

люди из других городов — из Москвы, Саратова, Ярославля, Краснодар, Владивостока, Хабаровска — просто поддержать морально, поскольку подпись поставить они не могли. Приходили дети, обнимали меня, дарили свои рисунки. Один мальчик лет девяти нарисовал мой портрет на ватмане, а на обратной стороне написал: «Спасибо за то, что вы боретесь за наше будущее».

Людей в России запугивают, как только можно, но они перебороли страх и пришли отдать свой голос за мир, а это уже большое дело. Сбор подписей закончился, а позиция осталась.

И еще вот что важно: я первая пошла на выборы с требованием мира. А все, что делается в первый раз, всегда очень трудно. Критиковать легко: как надо и как правильно. А делать — нет. Тот, кто что-то делает, совершает ошибки. Ошибок не совершает только тот, кто ничего не делает.

— Давайте представим чудо: вы все-таки одержали победу на этих выборах, стали губернатором Петербурга, завтра вам на работу. Какие будут ваши первые действия?

— Первым делом я обращусь к петербуржцам, которые сейчас на фронте (...). Второе дело — освободить всех политзаключенных. Хорошо бы не только петербуржцев, а политзаключенных во всех регионах России. Так много людей сидят зря. Историка Александра Скобова, замечательного соучредителя «Европейского Петербурга», посадили только за то, что он борется за правду и говорит эту правду, не боясь, в лицо. Сашу Скочиленко, девочку, на семь лет осудили ни за что. У нас всё вверх ногами! Невинные ни в чем, за слова или еще за что-то, за всякую фигню, сидят в тюрьме. (...)

Людмила Васильева. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Третьим делом я бы собрала команду из молодых профессионалов, не по принципу преданности, а настоящих специалистов. И затем мы бы начали разговаривать с людьми, спрашивать: в какой среде они хотели бы жить? Потому что мы же для людей должны всё делать.

Всё для людей. И люди должны знать, что делает власть. Надо отчитываться. Не перед Путиным, а перед людьми. Власть — слуга у людей, а не наоборот, и должна держать ответ перед ними.

И еще я бы провела опрос. Я уверена, что 90% людей в России против (...). Но им трудно высказаться, даже я не очень хорошо говорю на публику. Но я уверена: *** люди не хотели и не хотят.

(...)

— А в отношении Петербурга какие были планы?

— Если одним словом, сделать город для жизни людей, для настоящей полноценной жизни: чтобы был чистый воздух, много зелени, много мест для отдыхающих, для досуга детей. Я бы точно остановила снос кварталов в Петербурге (*закон о комплексном развитии территорий*. — Н. П.) там, где люди не хотят уезжать из своих домов. Они в них жили, долго их обустроивали. Я тоже жила в таком районе, в хрущевской квартире. А во дворе у нас был сад, было очень уютно. Во многих таких районах еще можно жить. А обратила бы внимание я на те дома, которые нужно ремонтировать, они годами разрушаются, но власти эти проблемы игнорируют. Потому что властям интереснее освободить место для своего строительства. Много чего еще не сделано есть в городе.

А нужно чтобы Петербург стал комфортным для жизни, нужно обеспечить реальные права людям. Право на жизнь, на медицину, на образование — это все декларируется, но не предоставляется.

— В городе вас знают как постоянную участницу всех политических акций протеста. С 2014 года вы выходите на все митинги, шествия, сходы?

— Я и до 2014 года выходила. Как только Горбачев открыл форточку свободы, я стала выходить на улицу с протестами. Впервые в 1989 году я с сотнями петербуржцев стояла у Казанского собора. Мы требовали перемен, свободы и демократии. Потом выходила к Мариинскому дворцу во время

августовского путча ГКЧП в 1991 году. В 2003 году, после ареста Михаила Ходорковского*, участвовала в митинге в его поддержку. Тогда на Пионерской площади, около ТЮЗа, собралось около 500 человек, а на подавление протеста полицейских и военных прислали вдвое больше, и над площадью кружил вертолет. Я не выдержала, подошла к одному из полицейских и спросила: «А кого вы так боитесь? Нас тут всего 500 человек, чем мы вас так напугали?» Никто мне не ответил.

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Каждый год 27 февраля, в день убийства Немцова, я езжу с цветами и свечами к Соловецкому камню. Теперь буду ездить ежегодно еще и 16 февраля — в день гибели Навального.

На все антивоенные акции выхожу, естественно. Криком кричу (...). Пока не будет мира, ничего хорошего ни в России, ни в Петербурге не будет.

— **Полиция вас задерживает за ваши слова?**

— Много раз задерживали. Но ни разу на меня даже протокола не составляли. Берут паспорт. Прочитают, посмотрят год рождения, прописку и сразу отпускают. Часто извиняются. Иногда домой отвозят. Порой даже чай заходят выпить и поговорить.

Я уверена, что со всеми людьми нужно разговаривать. Убеждать в своей правоте. Перетягивать на свою сторону. С «космонавтами» я тоже разговариваю. Спрашиваю у них: почему они, как бульдоги, в намордниках? Кого боятся? Почему ведут себя так не по-людски? Часто полицейские молчат, ничего не говорят в ответ. Один мне признался, что согласен со мной во всем, но не может жить иначе: «таких денег больше нигде не платят». Я ему ответила: нельзя продавать за деньги совесть. Другой пообещал, что уволится из органов. А однажды был случай, «космонавт» мне сказал: «Если вас будет больше, то мы к вам присоединимся, потому что правда на вашей стороне. Но мы выйдем тогда, когда вас станет больше».

В одном из своих интервью я обращалась с вопросами к Соловьеву и прочим пропагандистам: в вас хоть чуть-чуть осталось что-то человеческое? Зачем вы из людей зомби делаете? (...)

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

— На протяжении своей кампании вы открыто выступали за мир. Сейчас есть риск, что в отношении вас начнется какое-то преследование, административное или уголовное. Вы опасаетесь этого?

— Ни от чего зарекаться нельзя, естественно. В отношении моего сына Дениса в июне возбудили второе административное дело по статье о «дискредитации» российской армии. Но почему я должна в своем городе бояться? Объясните мне. Я прожила здесь всю жизнь. Отстраивала этот город вместе с жителями того еще Ленинграда. И кто мне будет угрожать, что меня задержат? За что? За то, что я люблю свой город? Свою страну? За то, что ненавижу вранье? За что они меня арестуют? За что? Пусть попробуют. Я — человек громкий.

— А зачем вам все это? Все эти риски, вместо того чтобы отдыхать на пенсии?

— Видеть гибель людей, коррупцию, повсеместное вранье, бандитов у власти и сидеть и молчать мне не позволяют совесть и человеческое достоинство. Неважно, победила я в этой гонке или нет, она не последняя. (...) я буду бороться и дальше.

*Внесены Минюстом РФ в реестр «иноагентов».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Обнинская самаритянка](#)

Правозащитники часто кажутся юродивыми. Но тогда надо копать глубже: что такое «норма»?
Рассказ о Татьяне Котляр

12:51, 18 мая 2024, Леонид Никитинский